

Константин Леонтьев

**Записка о необходимости
новой большой газеты
в С.-Петербурге**

Константин Николаевич Леонтьев

Записка о необходимости новой большой газеты в С.- Петербурге

«...Еще Москва с этой точки зрения счастливее Петербурга; в Москве существуют такие органы печати, как «Московские ведомости» и «Русь», но в Петербурге решительно преобладают газеты того медленно-разрушительного направления, которые, прикрываясь словами «законность», «постепенное, мирное и легальное развитие», – стремятся с чрезвычайной настойчивостью и замечательным умом подкопать все драгоценные основы нашего быта государственного и общественного...»

**Константин Леонтьев
Записка о необходимости
новой большой газеты в С.-
Петербурге[1]**

Нет никакого сомнения, что в русском обществе таится, так сказать, – и в наше время умственной растерянности, – огромный запас охранительных сил.

Есть многое множество людей, искренно желающих, чтобы те основы, которых развитие создало могущество Русского государства и укрепило нравственный строй общества нашего, оставались по возможности незыблемыми. Одним словом, патриотизма истинного, любви к отечеству правильно понятой у нас еще достаточно. Но все это, как я сказал, в большинстве случаев только *таится* в русских умах и сердцах, не находя себе полного и ясного выражения в печати.

Однако обстоятельства таковы, что подобное выражение Православно-русских чувств и мыслей посредством влиятельного печатного слова становится делом первой необходимости.

Еще Москва с этой точки зрения счастливее Петербурга; в Москве существуют такие органы печати, как «Московские ведомости» и «Русь», но в Петербурге решительно преобладают газеты того медленно-разрушитель-

ного направления, которые, прикрываясь словами «законность», «постепенное, мирное и легальное развитие», – стремятся с чрезвычайной настойчивостью и замечательным умом подкопать все драгоценные основы нашего быта государственного и общественно-го. Таковы прежде всего: *Голос, Страна* (г. Полонского (поляка)) и *Порядок* – явное орудие жидовско-польского заговора, издание до крайности вредное, содержимое даже на весьма крупное еврейское пособие (как слышно, до 130 000 в год!!!).

«Новое время», конечно, значительно разнится своим духом от этих революционных газет и во многих случаях оно весьма полезно, но г. Суворин, во-первых, до известной степени связан и перед самим собою и перед публикой своим либеральным прошедшим, а во-вторых, и в настоящей своей, благонамеренной во многих отношениях, деятельности, – не совсем соответствует тому высшему русскому идеалу, которому так необходимо было бы найти подходящее выражение в периодической прессе.

Этот идеал должен быть, по нашему мне-

нию, *прогрессивно-охранительный*, но отнюдь не *либеральный*!

Именно противу *либерализма* во всех его разнообразных проявлениях должен был бы бороться в Петербурге, как в центре нашей государственной жизни, истинно-русский и вместе с тем вполне современный орган печати.

Плоды 25-летнего либерального развращения России по европейским образцам, плоды с одной стороны ужасные, а с другой — столь презренные, у нас перед глазами. Противу этого узаконенного, так сказать, безначалия, противу европейского нашего пустословия, противу отвратительного господства необдуманных и затверженных фраз и противу ежеминутных посягательств на все, что только есть в России святого и священного, должен бороться орган свежий, неподкупный, в прошедшем своем никакою пошлостью не запятанный и бестрепетный перед какими бы то ни было выводами русской мысли.

Русская мысль должна, наконец, решиться стать смелой; европейские мнения не

должны более иметь для нее прежней цены; к европейским примерам мы должны относиться с крайним недоверием, с боязнью заразы и с полной верой в наше независимое призвание.

Я сказал, что истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать *движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни*, но не иначе, как посредством *сильной власти* и с готовностью на всякие *принуждения*.

На месте стоять – нельзя; нельзя и восстанавливать то, что раз по существу своему утрачено (например, дворянские привилегии в *прежней их форме*); но можно и должно, одной рукой – охраняя и утверждая святыню Церкви, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки *быта* нашего, другою – двигать нацию вперед совсем не по западному и *тем более* не по либеральному пути. Чтобы сделать эту мысль нагляднее, я приведу один пример: с одной стороны, утверждая и развивая в России и во

всем славянстве в наитеснейшем союзе с Восточно-Греческими Церквями древнее свято-отеческое христианство в отпор тому полулиберальному христианству, которое так распространилось у нас теперь и которое чаёт с распятием (символом страдания) в руке – дойти здесь на земле до *свободного* равенства и всеутешительной, *поголовной* любви, никогда Христом не обещанной; внося в преподавание низшее *любовь* (да, именно – *любовь!*) к Церкви, и даже к ее стеснениям, вместо любви к либеральному всечеловечеству; основывая характер *высшего преподавания на идее* *вовсе в педагогии новой*, именно на глубоком *разочаровании* во всеспасительности и во всеполезности реальной науки и открытий западного прогресса, – с другой стороны, необходимо вступить решительным и твердым шагом на путь *чисто экономических, хозяйственных реформ*; необходимо опередить в этом отношении изношенную духом Европу; стать во главе движения; ... из «последних стать первыми» в мире!

Но все это возможно только при смелости власти и при покорности общества и народа.

И здесь-то является с полной ясностью спасительность Самодержавной мощи, в частные интересы различных классов общества не запутанной, а свободно относящейся с высоты Престола к неизбежному в жизни хаосу интересов, мечтаний и страстей. Здесь-то видно, до чего благодетельно то чувство, которое в Манифесте Царском выразилось в словах: «Охранять Самодержавие от всяких *на него поползновений*».

Действительно, либерализм, простертый *еще немного* дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая *конституция* была бы самым верным средством для произведения *насилъственного социалистического* переворота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и купцов, для новой, ужасной, быть может, Пугачевщины. Нужно удивляться только, как это могли некоторые даже и благонамеренные люди желать ограничения Царской власти в надежде на лучшее умиротворение России! Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомазанного Государя и

давней привычкой повиноваться Его *слугам*, чем какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона. Известно, что русский человек вовсе не умерен, а расположен, напротив того, доходить в увлечениях своих до крайностей. Если бы Монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не Сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности, русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. Теперь он плачет об убитом Государе в церквях и находит свои слезы *душеспасительными*; а тогда о депутатах он не только плакать бы не стал, но потребовал бы для себя как можно *побольше земли и вообще собственности* и как можно меньше податей...

За свободу же *печати* и *парламентских прений* он не станет, слава Богу, драться, подобно фразёру французскому – работнику.

Повиновение русскому человеку (мы говорим человеку русскому вообще, а не одному простолыдину), в случае конституционной реформы, перестало бы нравиться, как нравится еще оно ему теперь.

При конституции и нигилистам гораздо легче было бы вести свою проповедь среди молодых земледельцев, мещан и фабричных; а людям порядка и преданий труднее было бы им противодействовать. *Воспитывать* наш народ в *легальности* очень долгая песня; великие события не ждут окончания этого векового курса! А пока народ наш понимает и любит *власть* больше, чем *закон*. Хороший «генерал» ему понятнее и даже приятнее хорошего параграфа устава. Конституция, ослабивши *русскую власть*, не успела бы в то же время внушить народу *английскую любовь к законности*. И народ наш прав! Только одна могучая Монархическая власть, ничем, кроме собственной совести не стесняемая, освященная свыше религией, благословенная Церковью, только такая власть может найти практический вывод из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения *капи-*

тала и труда. Рабочий вопрос – вот тот путь, на котором мы должны опередить Европу и показать ей пример. Пусть то, что на Западе значит разрушение, – у славян будет творческим созиданием... Народу нашему – утверждение в вере и *вещественное обеспечение нужнее прав и реальной науки!* Поменьше прав и поменьше податей; поменьше школ и побольше церквей и монастырей; поменьше кабаков и побольше хороших больниц; поменьше судебных любезностей и побольше «земли», где можно и когда можно. Побольше местного самоуправления с *мужицким оттенком* в уездах и побольше *отеческого самоуправления* в высших сферах власти. Только удовлетворяя в одно и то же время и *вещественным*, и высшим (религиозным) потребностям русского народа, можно вырвать грядущее поколение простолюдинов из когтей нигилистической гидры.

Иначе крамолу мы не уничтожим и социализм рано или поздно возьмет верх, но не в здоровой и безобидной форме новой и постепенной государственной организации, а среди потоков крови и неисчислимых ужасов

анархии.

*Надо стоять на уровне событий, надо понять, что организация отношений между трудом и капиталом в том или другом виде есть историческая неизбежность и что мы должны не обманывать себя, отвращая лицо от опасности, а, взглянув ей прямо в глаза, не смущаясь понять всю силу ее неотвратимости, в том случае, если мы сами не поспешим изменить радикально историческое русло народной жизни. Выбора тут нет между дальнейшим ходом либерального гниения, дозволяющим разрешиться, вероятно, очень быстро торжеством нигилистической проповеди (ибо нет народа, который бы нельзя было развратить), и между охранительно-прогрессивным, или даже, вернее сказать, – *реакционно-прогрессивным* направлением, которого преимущества я обозначил в главных чертах.*

Остановившись на этих двух главных вопросах: религиозном и рабочем, – я не коснулся остальных: ни педагогического, ни промышленного, ни финансового.

По поводу промышленного вопроса я ска-

жу кратко, что надо, вообще, конечно, быть за протекционную систему; хотя, с другой стороны, не следует забывать, что никакое покровительство русским мануфактурам не может быть вполне плодотворно до тех пор, пока не изменятся сами *вкусы, моды и обычаи* наши. Пока и в этом отношении мы не станем совершенно независимы от Европы.

О педагогии я также распространяться не буду.

Наш взгляд на это следующий:

1) *Для школ первоначальных.* Число их нужно сократить, пока не выкурится из них либеральный *европеизм*. Школы народные с явно-реальным оттенком гораздо вреднее кабаков. Преподавание в таких школах должно быть *исключительно* в руках духовенства и особенно *черного*.

2) Для средних и высших заведений, разумеется, классицизм лучше реализма; но и тут надо заметить, что основной дух самого образования необходимо изменить. Прежде всего надо уничтожить в юношах веру в *благоденственное саморазвитие человечества*; надо уничтожить в них излишнее обоготворе-

ние науки. Надо внести в преподавание и высшее, и среднее *строжайший пессимизм* в отпор тем учениям, которые от реальной науки ждут рая земного и *прекращения всех бедствий и скорбей*. Надо с ранних лет внушать молодежи, что не будет на земле ни рая, ни равноправности, ни всеобщего мира, ни царства безусловной *правды*. Надо, чтобы они выучились верить, что Божественная Истина надежнее и даже научнее глупой мечты о *человеческой правде!*..

И этого может легко достичь сильная Единодержавная Власть при деятельной и бескорыстной помощи Православного духовенства и независимых, мыслящих мирян.

К. Леонтьев[2]

Теперь остается вопрос: *где найти нужную для создания подобной газеты сумму?*

Были попытки собрать 250 000 рублей у московских купцов для этой цели; но они неохотно подаются на жертвы для *петербургской* газеты, забывая, что Петербург, пока не *переменялись* *вовсе обстоятельства*, важнее

Москвы, как центр высшей администрации. Действие из Петербурга на Москву все-таки гораздо сильнее, чем обратное действие из Москвы на Петербург. «Московские ведомости» в Петербурге гораздо менее распространены, чем петербургские газеты в Москве. Относительно казенного фонда или крупной субсидии можно сказать следующее. Деньги, конечно, нашлись бы у казны для такого положительно *необходимого* предприятия. Трудно, например, решить, что в наше время нужнее, хороший добровольный флот или хороший дух печати?

Конечно, дело не столько в самих деньгах, сколько в надежности предприятия.

После неудачи «Берега», может быть, перестали верить в пользу подобного дела даже и те, которые его тогда задумали. Но может ли *одна* неудача служить решительным примером для будущего? *Выбор редактора* погубил дело, а не казенная субсидия.

Г. Цитович неискренний человек, не убежденный, не православный и бездарный. Это было видно почти с первых номеров «Берега». Бездарность его блистала на каждом шагу.

Вообразим себе на месте г. Цитовича другого человека, например, хотя бы князя Н. Н. Голицына (редактора «Варшавского дневника»). Можно ручаться, что дело пошло бы иначе.

Все бы с первого месяца поняли бы, *чего желает* редакция. В «Береге» все было или бесцветно, или до гадости грубо (например, статьи Дьякова-Булгакова).

Чтобы убедиться в этом, надо дать себе труд пересмотреть только бегло номера «Варшавского дневника» и «Берега» за первое полугодие их одновременного существования (князь Голицын и Цитович приступили к своей деятельности в одно и то же время, в первые месяцы 1880 года).

Либеральная печать могла бы нападать сколько ей угодно на этот орган; обличать его в «официозности», в подкупности и т. д. Но *искренность и силу убеждения, ума, таланта, вкуса и познаний* не скроешь и не уничтожишь вполне никакими нападками ненависти. *Охранительные истины* русской жизни оставались бы истинами независимо от питающего их, так сказать, источника.

Нет спора, лучше бы было избавить газету

от обвинений в продажности; полезнее было бы лишить либералов этого жестокого орудия враждебной полемики.

Но что же делать с русским обществом, если его историческое воспитание таково, что оно *без правительства* ничего хорошего сделать не умеет, несмотря на все свои «конституционные» и тому подобные претензии. Все великое и прочное в жизни русского народа было сделано *почти искусственно* и более или менее *принудительно*, по почину правительства. Когда же (как мы видели за последнее время) почин государства принял характер некоторого самоотречения или самоограничения в пользу этого, так называемого «общества», то вмешательство и сравнительная свобода последнего – ничего не принесли, кроме плодов *революционных* или, по крайней мере, *оппозиционных* (у нас в России разница только количественная, а не качественная между этими двумя политическими терминами).

Крещение Руси было дело правительства. Собрание Руси – тоже; правительством было постепенно утверждено *крепостное право* —

право столь спасительное в свое время и даже столь культурное (ибо разнообразие воспитания, необходимое для культуры, было плодом этого *искусственного феодализма*). Создавши привилегированный культурный слой, т. е. дворянство, – правительство исполнило великую и историческую обязанность свою. Тоже искусственные и тоже крайне принудительные европейские реформы Петра слишком известны, и даже многие стороны их подверглись осуждению истории; но, видно, эта *особого рода искусственность естественна для России*. Екатерина II также *искусственно* старалась придать дворянству более аристократический характер. Никто этого от нее не требовал: никакая *печать*, никакая *толпа*, никакие *общественные корпорации* не вынуждали Царицу принять такое направление. Но этого требовал ее собственный гений, требовала, так сказать, *натура России*, где только то и становится прочным, что, *повторяю*, несколько насильственно и *искусственно создано* правительством. Возьмем еще пример – *чиновничество, бюрократию*, как говорится. В ней много недостатков, много по-

роков; чиновничество есть, по преимуществу, так сказать, *правительственное учреждение*, по мнению либералов, уже в высшей степени неестественное. Но стоит только обратиться к наилучшему судье подобных вопросов, к разуму русского простолюдина, чтобы понять, что это не совсем так. Русский простолюдин терпит часто от ошибок и даже от притеснений нашей администрации; но, недовольный частностями, он все-таки считает чиновничество необходимым и спасительным. «Начальство», «Царские слуги»... – говорит он с почтением и мало-мальски хорошего «Царского слугу» он всегда скорее поймет, чем какого-нибудь независимого земского ланд-лорда, который *берет* с него (не для Государя, а для себя) очень дорого за землю. Губернатора мужик готов даже любить за то только, что он Царский губернатор; независимого землевладельца ланд-лорда он готов подозревать в злоумышлении и очень был бы рад отнять у него всю его землю. Недаром прежние помещики, появлявшиеся в *отставных мундирах* среди бушующей толпы крестьян и напоминая им этим видом, что они не только земле-

владельцы (состоящие с ними в естественном антагонизме интересов), но лица. Царю служившие, усмиряли без оружия разгоревшиеся страсти.

Я скажу даже больше: ... если социализм не как нигилистический бунт и бред все-отрицания, а как законная организация труда и капитала, как *новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ*, имеет будущее, то в России создать и этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, – не может никто, кроме Монархического правительства.

Ввиду всего сказанного, что же значило бы издержать на новый опыт, вроде опыта с «Берегом», каких-нибудь 200, 250 тысяч... Безжалостно было бы оставить без умственной помощи нашу слабую, слабомыслящую и послушную более или менее всякому пустому веянию читающую публику.

Даже в случае неудачной подписки газета, сильная сама собою, умом и энергией лично-го состава редакции, продержавшись года три-четыре, – не прошла бы бесследно и без влияния на умы. Теперь множество хорошего

и невысказанного остается под спудом, а пустословие гуляет на просторе и господствует. Следы этого хорошего остались бы, и семена истины не могли бы быть вполне затоптаны либеральными копытами...

Неужели никому не страшно, не больно видеть, – с одной стороны, *однообразную* злонамеренность *множества* наших газет, а с другой, силу их влияния на умы большинства «интеллигенции», которое, по выражению одного английского публициста, «есть всегда не что иное, как собирательная бездарность».

Впрочем, повторяю, я согласен с тем, что лучше бы для подобной газеты избежать обвинения в «официозности». По моему мнению, этого достигнуть нетрудно.

Взявши в расчет ту, по-видимому, уже неизбежную в русской культуре или русской государственности – *естественную искусственность*, о которой я говорил, есть возможность создать орган печати в одно и то же время *охранительный* и *свободный*. Основной капитал не должен быть прямо казенной или какой-нибудь министерской субсидией. Он должен быть собран добровольно; но для

достижения этого, для возбуждения охоты жертвовать в непредприимчивых русских богачах – необходимо, чтобы лица *очень высокопоставленные* подали пример. Никто не будет вправе и в силах утверждать, что газета *казенная*, если, например, кто-либо из лиц Царской крови прямо или еще лучше косвенно пожертвует на эту газету значительную сумму вместе с другими состоятельными людьми, со знатными дворянами, государственными сановниками и значительными купцами. Сверх того, можно бы собрать и с богатых монастырей через посредство Св. Синода и епископов весьма крупную добавку к общей сумме.

Таким образом, самое разнообразие лиц и учреждений, заинтересованных (по крайней мере, нравственно, если не удастся доставить им хорошего процента с их капитала) в подобном предприятии, будет залогом независимости для газеты.

Либерализм однообразен по существу своему; он везде почти у всех один; разница в оттенках его больше количественная, чем качественная. Он смелее, резче, революционнее,

или слабее, скромнее, осторожнее; но он один потому, что он есть не что иное, как сознательное или бессознательное разрушение. Разрушение просто; охранение *разносторонней*, уже прежде создавшейся государственности – всегда должно быть *поневоле* сложно.

Лица, долженствующие, по проекту моему, способствовать возникновению охранительной газеты, будут неизбежно разниться между собой во взглядах на многое. Все они могут быть удовлетворены, но нередко *разными сторонами* в деятельности подобной редакции. *Это-то самое* и доставит редакции ту свободу мнений, которая всегда дает особый вес органу печати.

К тому же, повторю здесь еще раз то, что говорил выше: искренность и твердость убеждений, выраженные с умом и талантом, – дают себя чувствовать даже и при существовании самой простой коронной субсидии. Истина и дар – не гибнут даже и от прямой казенной помощи. В церкви, построенной на казенные деньги, точно так же совершаются таинства и точно так же молятся люди, как и в храме, на частные средства воз-

двигнутом; нужно, чтобы причт был хорош; на сцене *Императорских* театров давались «Жизнь за Царя», «Горе от ума» и пьесы Островского, и казенное жалование не портило дарований Мочалова, Садовского и Бантышева. Нужны *таланты*, нужны искренность чувств и *независимость ума*... Нужно узнавать людей, а не искать их где-то, когда они под рукой.

Примечания

Единственный источник – рукопись рукой М. В. Леонтьевой со следами авторской правки (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, е.х. 7, лл. 1–12). На «обложке», в которую вложены листы, рукой Л. написано: Записка о новой газете. (Послана была в Петербург Филиппову, Победоносцеву и кому еще не помню. Редактором я сам не хотел быть – а имел виды на князя Голицына (Николая Николаевича), бывшего редактора Варшавского дневника.) (1882–83??) (О времени – 1881–82 гг. – и обстоятельствах создания см. переписку Л. с Т. И. Филипповым: письма Л. – РГАЛИ, ф. С.Н. Дурылина; письма Филиппова: РГИА, ф. Т.И. Филиппова)

[^^^]

Здесь заканчивается первоначальная редакция «Записки». Следующий далее текст написан М. В. Леонтьевой поверх леонтьевской подписи.

[^^^]